

Е. Ф. Кринко, С. Я. Суций

Демографические процессы в южных краях и областях РСФСР в период Великой Отечественной войны

Кринко Евгений Федорович

д-р ист. наук,
гл. науч. сотр.,
Южный научный
центр РАН
(Ростов-на-Дону,
Россия)

Суций Сергей Яковлевич

д-р филос. наук,
канд. социол. наук,
гл. науч. сотр.,
Южный научный
центр РАН
(Ростов-на-Дону,
Россия)

Демографические процессы в годы Великой Отечественной войны вызывают в последние годы повышенный интерес у многих исследователей. Они стали предметом изучения в целом ряде обобщающих трудов¹ и специальных работ, посвященных отдельным регионам страны². Не являются исключением и южные регионы РСФСР, демографическое развитие которых в военные годы имело определенную специфику³. Дальнейшее расширение источниковой базы за счет использования текущей статистики населения в период Великой Отечественной войны позволяет ставить новые исследовательские задачи. Одна из таких задач — помесечный анализ процессов естественного воспроизводства и миграционной активности в отдельных регионах страны.

Предметом изучения в данной статье выступают указанные демографические процессы в южных регионах РСФСР: Краснодарском и Орджоникидзевском (с 1943 г. — Ставропольском) краях, Ростовской, Сталинградской (с 1961 г. — Волгоградской) и Астраханской (образована в 1944 г.) областях. Большая часть данных регионов в годы войны прошла через эвакуацию и оккупацию, оставившие значительный след на их демографическом развитии. В то же время принудительные выселения народов в 1941–1944 гг. в значительно меньшей степени

повлияли здесь на динамику народонаселения, чем, например, в соседних национальных автономиях Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Крыма. Основными источниками выступают впервые вводимые в научный оборот таблицы динамических рядов данных о естественном движении населения, числе браков и разводов в краях и областях юга РСФСР по месяцам 1941–1945 гг., извлеченные из фонда Центрального статистического управления (далее — ЦСУ) при Совете Министров СССР (в годы войны — ЦСУ Госплана СССР) Российского государственного архива экономики (далее — РГАЭ).

Главные сложности в изучении поставленных проблем обусловлены фрагментарностью и неполнотой имеющейся статистической базы, в первую очередь по периоду оккупации. После освобождения советским регионам также требовалось определенное время для восстановления работы органов, учитывавших естественную и миграционную динамику населения. К тому же неизвестна точная численность населения южных краев и областей РСФСР к началу войны. Как показали исследования современных демографов, результаты переписи населения 1939 г. требуют определенной корректировки⁴. Нуждаются в ней и сохранившиеся данные текущего демографического учета, фиксировавшие численность населения в начале 1941 г.⁵ Точные показатели миграционной динамики за первую половину 1941 г. неизвестны, поэтому численность населения регионов юга РСФСР к началу войны определяется с точностью до нескольких десятков тысяч человек⁶. Необходимо учитывать и изменения в административно-территориальной системе страны в годы войны. 27 декабря 1943 г. из Сталинградской области была выделена с включением в нее части районов упраздненной Калмыцкой АССР Астраханская область. Появление нового административного образования осложняет возможности анализа динамики населения на соответствующих территориях.

Изучение демографических процессов в южных краях и областях РСФСР в годы Великой Отечественной войны позволяет выделить два этапа, существенно различающиеся по основным тенденциям естественного воспроизводства и миграционной активности населения: 1) июнь 1941 — начало 1943 г.; 2) начало 1943 — весна 1945 г. В рамках каждого из этих этапов будут рассмотрены показатели рождаемости и смертности (в том числе детской), масштабы и направления миграционной динамики.

Демографические процессы в июне 1941 — начале 1943 г. Несмотря на крайне сложную демографическую динамику предвоенного десятилетия, вместившего голод 1932–1933 гг. и кампании расказачивания и раскулачивания, юг РСФСР, благодаря сохранявшейся традиции высокой рождаемости (30–35 % в конце 1930-х годов)⁷, сумел компенсировать понесенные потери населения и обеспечить его количественный рост. В последние годы мирной жизни естественный прирост в большинстве южнороссийских регионов составлял 14–19 ‰⁸. К середине 1941 г. общее население анализируемых территорий составляло около 10,6 млн чел.⁹

Репродуктивная активность. Основание расширенного цикла естественного воспроизводства было нарушено в первые недели войны. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. в армию при-

зывались военнообязанные 1905–1918 гг. рождения (мужчины наиболее активного репродуктивного возраста — 23–36 лет). Следующие волны мобилизации захватывали новые возрастные слои мужского населения — в августе 1941 г. осуществлялся призыв мужчин 1890–1904 гг. рождения в возрасте 37–50 лет.

Однако и семьи, оставшиеся в полном составе, с началом войны предпочитали не заводить новых детей, тем более что практика самоограничения рождаемости у населения РСФСР в 1930-е годы уже получила широкое распространение. В отсутствие средств контрацепции основным ее способом были аборты, запрет которых в 1936 г. не остановил полностью данную практику прерывания беременности. Например, количество абортов в Краснодарском крае с 16,85 тыс. в 1937 г. возросло до 23,49 тыс. в 1939 г., составив соответственно 12,0% и 17,7% от числа рожденных в те годы детей¹⁰. Даже при отсутствии соответствующей статистики по всему югу РСФСР есть основания полагать, что с началом войны число абортов должно было заметно возрасти. По крайней мере, именно так произошло во многих других регионах, в том числе удаленных от фронта. Например, число абортов на 100 родов в Читинской области увеличилось за 1941–1943 гг. в три раза — с 6 до 18. В Новосибирской области в 1943 г. на 100 родов приходилось 30 абортов, а в областном центре данный показатель поднялся до 50¹¹.

Свою роль в сокращении рождаемости играла и динамика брачности населения. Уже в июле 1941 г. число заключавшихся браков в регионах юга РСФСР сократилось по сравнению с довоенным временем на 16–27%, а в августе — на 30–40% (рис. 1). Показатель брачности продолжал сокращаться и в следующие месяцы, причем его динамика обнаруживала прямую взаимосвязь с расположением регионов относительно театра военных действий. В Ростовской области, на западе которой уже в середине осени 1941 г. шли бои, количество браков в начале 1942 г. опустилось до 20–21% от довоенного уровня. В более удаленных от фронта Сталинградской области, Краснодарском и Орджоникидзевском краях данный показатель составлял 45–50%.

Анализируя количественные сдвиги в естественной динамике населения южных регионов, необходимо учитывать инерционность ее основных параметров. Практически до апреля — мая 1942 г. уровень рождаемости отражал репродуктивную активность населения довоенного времени: число новорожденных не сокращалось, более того, в зимние месяцы 1942 г. в трех из четырех регионов оно превосходило соответствующие показатели 1941 г. (в Сталинградской области весьма существенно) (рис. 2).

Можно предположить, что основная причина данного парадокса — концентрация эвакуированного населения, повышавшего абсолютные показатели рождаемости. Характерно, что в Ростовской области, где влияние эвакуационного фактора было минимальным, рождаемость сокращалась быстрыми темпами с начала 1942 г. Со второй половины весны этого года все более ощутимое сокращение масштабов деторождения зафиксировано и в остальных южнороссийских регионах, что отчетливо обнаруживает сравнительный анализ соотношения показателя рождаемости по месяцам первой половины 1941 и 1942 гг. (табл. 1).

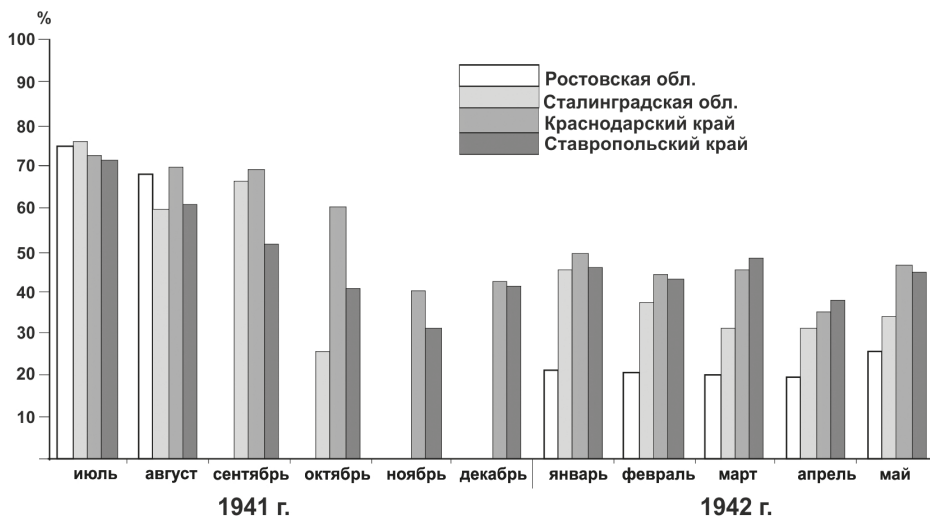

Рис. 1. Помесячная динамика браков (среднемесячный показатель января — июня 1941 г. взят за 100%) (рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 83, 95, 167, 182)

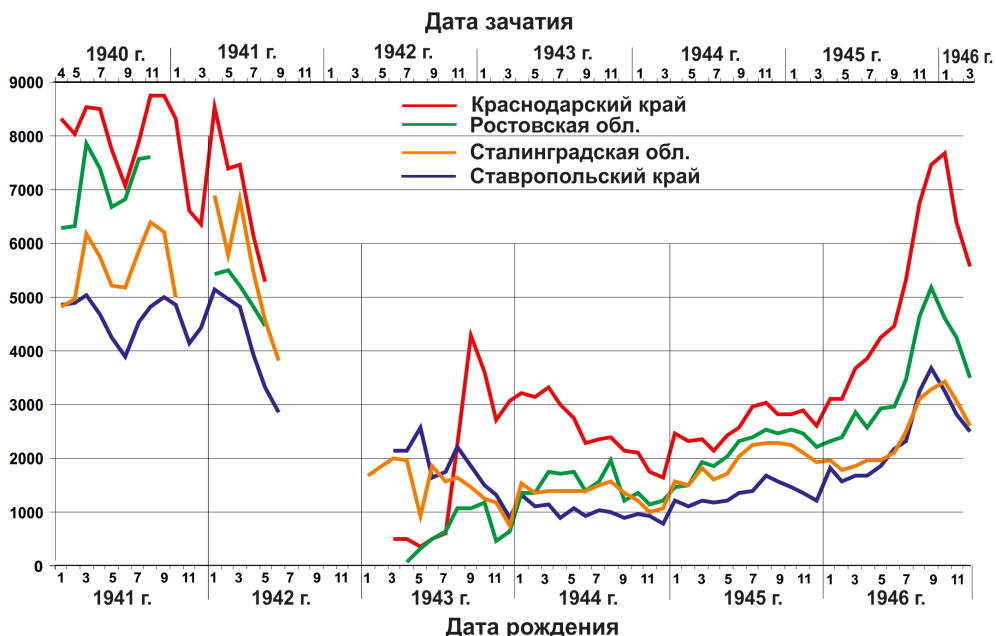

Рис. 2. Помесячная динамика репродуктивной активности населения регионов юга России в 1941–1946 гг. (число рождений и зачатий; для Краснодарского края неполная статистика рождений за март — август 1943 г., для Ростовской области — за весь 1943 г.) (рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 83, 95, 167, 182; Д. 341. Л. 35, 49, 113, 116; Д. 418. Л. 33, 43, 109, 125; Д. 501. Л. 54, 63, 72, 162, 179; Д. 577. Л. 57, 63, 75, 174, 191; Д. 636. Л. 54, 63, 165, 166, 189, 190)

Таблица 1

Динамика рождаемости в краях и областях юга РСФСР в первой половине 1942 г. по сравнению с 1941 г., % (соответствующие помесечные показатели 1941 г. приняты за 100 %)

Месяцы	Ростовская область	Сталинградская область	Орджоникидзевский край	Краснодарский край
январь	86,6	128,9	105,6	102,4
февраль	86,6	108,2	101,2	92,3
март	нет сведений	127,3	95,5	87,5
апрель	65,1	102,1	84,0	72,5
май	67,1	85,5	78,3	68,3
июнь	нет сведений	71,1	73,6	нет сведений

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 83, 95, 167, 182; Д. 341. Л. 35, 49, 113, 116.

К началу лета 1942 г. число рождений снизилось во всех регионах до 67–78 % относительно показателя довоенного уровня. Сокращение абсолютных масштабов рождаемости имело определенную расселенческую специфику, связанную с тем, что в городах была несколько выше доля мужчин молодого и среднего возраста, работавших на промышленных предприятиях и потому освобожденных от призыва. Более высокая доля полных семей определяла повышенный по сравнению с сельской местностью уровень репродуктивной активности городского населения. Если по всему Краснодарскому краю число рождений в мае 1942 г. сократилось на 31,7 % от уровня мая 1941 г., то для городов края падение составило 30,5 %, тогда как в сельской местности рождаемость упала на 36,4 %¹².

Свою роль в изменчивом соотношении городской и сельской рождаемости могли играть и другие факторы, в том числе распределение по территории региона беженцев или близость линии фронта. В отличие от Орджоникидзевского и Краснодарского краев, в Ростовской и Сталинградской областях в первой половине 1942 г. абсолютные масштабы рождаемости более ощутимо сократилась именно в городских центрах (рис. 3).

Сохранившаяся статистика рождаемости обрывается для южных краев и областей РСФСР маем — июнем 1942 г. в связи с вторжением войск вермахта. Но, даже не имея точных данных о дальнейшей динамике этого показателя, можно с полным основанием утверждать, что число рождений продолжало сокращаться. В тыловых районах РСФСР число новорожденных на 1000 жителей за период с мая по декабрь 1942 г. сократилось более чем в четыре раза (с 41,5 до 9,4 чел.), достигнув минимума¹³. Очевидно, что динамика данного показателя в южнороссийских регионах мало отличалась от общероссийского тренда.

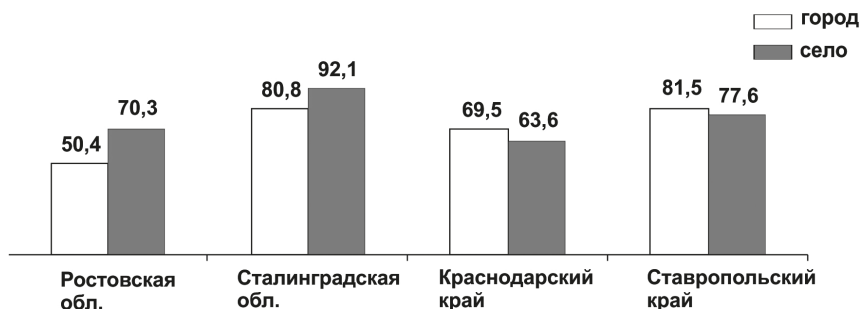

Рис. 3. Городская и сельская рождаемость в мае 1942 г. (показатель мая 1941 г. взят за 100%) (рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.20. Д.251. Л.83, 95, 167, 182; Д.341. Л.35, 49, 113, 116)

Смертность. Динамика смертности населения в южных краях и областях РСФСР в первые месяцы войны также не демонстрировала значительных изменений по сравнению с мирным временем. В Ростовской области, значительная часть населения которой уже с осени 1941 г. в полной мере столкнулась с тяготами военного времени, абсолютные показатели смертности вплоть до лета 1942 г. были даже несколько ниже довоенного уровня (табл. 2). Это объясняется тем, что ряд ее западных, плотно населенных районов (включая Таганрог, второй по величине город) с осени 1941 г. находились в оккупации и, следовательно, учет смертности в первой половине 1942 г. осуществлялся на меньшей территории, чем в довоенный период. В Сталинградской области масштабы

Таблица 2

Динамика смертности в краях и областях юга и тыловых районах РСФСР в первой половине 1942 г. по сравнению с показателями соответствующих месяцев 1941 г., % (показатели 1941 г. приняты за 100%)

Месяцы	Южные края и области РСФСР				Тыловые районы РСФСР
	Ростовская область	Сталинградская область	Орджоникидзевский край	Краснодарский край	
январь	83,1	172,5	92,5	96,4	141,1
февраль	91,9	167,6	97,9	109,1	152,7
март	нет сведений	192,4	123,0	126,0	165,5
апрель	93,5	202,2	133,8	147,3	167,0
май	93,8	175,9	112,8	138,0	167,0
июнь	нет сведений	193,9	108,7	нет сведений	170,0

Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.20. Д.251. Л.83, 95, 167, 182; Д.341. Л.35, 49, 113, 116; Население России в XX веке. Т.2. С.87.

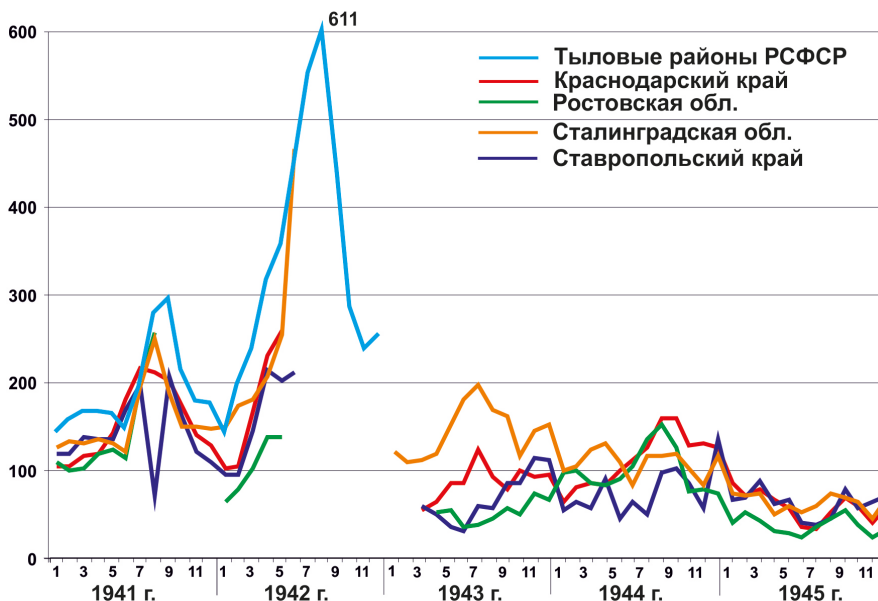

Рис. 4. Динамика младенческой смертности, 1941–1945 г. (число умерших до года на 1000 родившихся) (рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 83, 95, 167, 182; Д. 341. Л. 35, 49, 113, 116; Д. 418. Л. 33, 43, 109, 125; Д. 501. Л. 54, 63, 72, 162, 179; Д. 577 Л. 57, 63, 75, 174, 191; Население России в XX веке. Т. 2. С. 88)

смертности демонстрировали значительный рост уже с начала 1942 г., а на Кубани и Ставрополье — с весны 1942 г. Данный динамический контур в целом совпадал с динамикой смертности в тыловых районах РСФСР, также стремительно росшей с января 1942 г.

В любом случае близость фронта вплоть до лета 1942 г. не была серьезным фактором сверхсмертности южнороссийского населения. На это указывает и другой значимый показатель состояния социальной среды и работы системы здравоохранения — младенческая смертность (доля рожденных детей, не доживших до года). В довоенный период в южных краях и областях он был существенно ниже, чем в большинстве других регионов РСФСР. Положение не изменилось и в военные годы. Более того, вплоть до лета 1942 г. данный показатель в тыловых регионах РСФСР в целом демонстрировал более высокие темпы роста, чем на юге. В мае 1942 г. из 1000 родившихся на юге не доживали до года 139–260, а в тыловых регионах РСФСР — 359 младенцев. К августу этот показатель в тылу вырос до 611 смертей¹⁴ (рис. 4). Максимальных величин он достигал в местах массового расселения эвакуированного населения. Стремительный рост младенческой смертности в Сталинградской области, зафиксированный в июне 1942 г., мог быть связан с превращением данного региона в одно из крупных транзитных средоточий беженцев.

Показательно, что на юге РСФСР наименьший уровень младенческой смертности на всем протяжении первого года войны (вплоть до лета 1942 г.)

фиксирувался в Ростовской области, что очевидно было связано с достаточно высоким уровнем развития социальной инфраструктуры и медицинского обслуживания, достигнутым до войны. Таким образом, рост смертности гражданского населения в первую очередь коррелировал с качеством жизненной среды, которое определялось совокупностью факторов, различавшихся не только в каждом регионе, но и в отдельных территориальных сообществах (городских центрах, сельских районах).

Инерционный характер показателей естественного воспроизводства определял и достаточно медленное снижение естественного прироста населения. Еще в конце весны 1942 г. рождаемость превосходила смертность в трех из четырех анализируемых регионов (за исключением Сталинградской области). В мае коэффициент естественного прироста в Ростовской области составлял 7,5–8 ‰, в Орджоникидзевском и Краснодарском краях, соответственно, 6–6,5 и 3–3,5 ‰, убыль населения в Сталинградской области находилась на уровне 4–4,5 ‰¹⁵.

Полные данные о смертности населения в период оккупации, начавшийся для большей части рассматриваемых территорий в июле — августе 1942 г., отсутствуют. Можно предположить, что в тот период происходил дальнейший рост указанного показателя, но вопрос о том, насколько именно, заслуживает самостоятельного изучения. В тыловых районах РСФСР показатели смертности населения, достигнув пика весной — летом 1942 г., уже осенью пошли на спад. Конец 1942 г. стал переломным периодом в динамическом тренде смертности, которая в следующие годы войны заметно снизилась¹⁶.

В любом случае со второй половины лета 1942 г. юг России стремительно уходил в зону естественной убыли — смертность ощутимо превышала рождаемость. Существенную роль в этом сыграли потери населения, связанные с действиями оккупантов, в несколько раз превзошедшие естественную смертность. За полгода в двух краях и двух областях юга РСФСР было расстреляно и замучено более 220 тыс. мирных жителей (около 3 % всего населения). Максимально пострадало в результате оккупации население Ростовской области, потерявшее почти 97 тыс. чел. (5–6 % населения)¹⁷. В результате общие безвозвратные потери населения южных территорий в период оккупации оказались многократно выше, чем у населения тыловых районов страны.

Миграционная динамика. В отличие от инерционных показателей естественного воспроизводства, механическое перемещение населения оказывало куда большее влияние на динамику численности жителей южных краев и областей РСФСР. Сотни тысяч мобилизованных и отправленных на фронт заметно сократили численность их населения уже к осени 1941 г. С этого же времени структуру местного населения отличала непропорционально высокая доля женщин, а также пожилых и старых людей.

В течение всего военного времени в Вооруженные силы СССР призвали от 17,9 % (Ставрополье) до 22,9 % (Ростовская область) жителей. Наиболее масштабными оказались первые волны мобилизации в июне — августе 1941 г. Всего в 1941 г. в Вооруженные силы СССР были призваны 371,4 тыс. жителей Краснодарского края¹⁸ (около 11,4 % от всего населения). В Орджоникидзев-

ском крае уже к концу сентября мобилизовали более 100 тыс. чел (около 5,5 % жителей региона). Аналогичная ситуация сложилась и в остальных южных краях и областях, вследствие чего их население должно было сократиться в 1941 г. на 10–15 %.

Кроме того, в сентябре — начале октября 1941 г. отсюда выселили немецкое население, представленное крупными общинами во всех регионах (от 23,8 тыс. чел. в Сталинградской области до 45,7 тыс. чел. в Ставропольском крае)¹⁹. Общая численность депортированных немцев превышала 150 тыс. чел. (более 1 % жителей), однако в это число следует включить и 50 тыс. немцев Крымской АССР, успевших к началу сентября 1941 г. перебраться с полуострова на Ставрополье²⁰ и также выселенных за пределы юга России.

Быстрое наступление войск вермахта многократно увеличило масштабы миграционной циркуляции населения страны. Уже в августе — сентябре 1941 г. из западных регионов СССР вырос поток беженцев, часть которых временно осела на юге РСФСР. Осенью 1941 г. Краснодарский и Орджоникидзевский края, Сталинградская область вошли в группу основных перевалочных территорий эвакуированного населения в его перемещении на восток страны²¹. Параллельно начался отток жителей юга, организованно или самостоятельно выезжавших в восточном направлении.

Детальные реконструкции миграционной динамики населения южных краев и областей РСФСР ограничиваются не только фрагментарностью имеющейся статистики, но и пульсирующим, многовекторным характером самой миграции. В условиях военного времени ее результирующая (миграционное сальдо), определяемая сочетанием множества факторов (в том числе расстоянием до линии фронта, географией и состоянием основных транспортных коммуникаций), непрерывно менялась. Данная переменная значительно колебалась даже в интервале одной-двух недель, не говоря уже о месяцах. Наибольшей интенсивности циркуляция населения достигала в периоды быстрого смещения фронта, когда приток беженцев на юг РСФСР и отток с его территории могли одновременно достигать максимальных величин. Период конца лета — осени 1941 г. стал именно таким временем. Если за первые три месяца войны (к 1 октября 1942 г.) в Краснодарском крае было принято и размещено 226 тыс. чел. эвакуированных, а на Ставрополье — 218,2 тыс. чел., то спустя еще три месяца (к 1 января 1942 г.), на Кубани оставалось только 51,4 тыс. чел., а в Орджоникидзевском крае — 117 тыс. чел.²²

Быстро изменялась и география данного миграционного потока. Первоначально беженцы ориентировались преимущественно на крупные города юга РСФСР. В дальнейшем, в целях снижения нагрузки на социальную инфраструктуру, власти старались переместить мигрантов в сельскую местность. К началу 1942 г. в селах было размещено уже 74,2 % эвакуированного контингента на Кубани, 74,9 % — на Ставрополье²³.

В масштабах и характере влияния миграционного фактора на количественную динамику населения южных краев и областей РСФСР можно выделить несколько этапов. На первом этапе войны (лето — начало осени 1941 г.) миграция способствовала его росту. На юг РСФСР из западных союзных

республик СССР (прежде всего УССР) и ряда регионов РСФСР прибыло значительное число беженцев, многократно превышавшее масштабы эвакуации местного населения. В результате миграционная динамика отчасти компенсировала потери населения, связанные с воинским призывом и принудительным выселением отдельных групп. В то же время она еще более усилила половозрастную деформацию демографической структуры населения. В составе беженцев, прибывших на Кубань в первые три месяца войны, женщины и дети составляли 78%²⁴. Аналогичной была половозрастная структура эвакуированного населения и в других регионах.

К середине осени 1941 г. по мере приближения фронта приток беженцев в южные края и области пошел на спад. Параллельно заметно вырос масштаб перемещения в восточные регионы СССР ранее прибывших беженцев и жителей самих данных территорий.

После стабилизации фронта в конце 1941 — начале 1942 г. миграционная активность населения южных регионов существенно сократилась. В первой половине 1942 г. на юг прибыли значительные группы населения из других регионов СССР. Так, в Краснодарский край в апреле 1942 г. вывезли 36 тыс. жителей Ленинграда, в том числе 10 тыс. детей²⁵.

Новый быстрый рост масштабов миграции оказался связан с началом стремительного немецкого наступления летом 1942 г. В конце августа из уже ставшего фронтовым Сталинграда удалось за несколько дней переправить на левый берег Волги 300 тыс. чел.²⁶ Однако значительной части беженцев не удалось эвакуироваться на восток, и они были вынуждены вернуться к местам постоянного или временного проживания.

Последовавший период оккупации привел к массовым перемещениям местного населения в западном направлении. Вербовка местного населения на работу в Германию дала куда более скромные результаты, чем рассчитывали немецкие власти, и оккупанты приступили к принудительному вывозу трудоспособного населения. Социодемографические масштабы этой насильственной практики оказались весьма значительными, особенно с учетом уже происшедшего сокращения общей численности местного населения. На 84 тыс. чел. сократилось население Ростовской области²⁷. Численность населения, вывезенного из Краснодарского края, варьируется в широком диапазоне от 48 тыс. до 130 тыс. чел.²⁸ Всего из двух краев и двух областей юга РСФСР оккупанты вывезли порядка 200–280 тыс. чел. Немецкое отступление сопровождалось еще одной волной миграции — уходом десятков тысяч коллаборационистов. Только на Таманском полуострове в январе — марте 1943 г. вместе с отступавшими немецкими частями скопилось примерно 80 тыс. беженцев из южных районов Кубани и Ставрополя²⁹.

Таким образом, демографическая динамика населения южных краев и областей РСФСР во второй половине 1941 — начале 1943 г. определялась прежде всего механическим перемещением, включавшим несколько разнонаправленных компонент, задававших нелинейный характер миграционной динамики. В целом механический фактор вел к сокращению населения, численность которого к началу 1942 г. могла составлять здесь 85–87% от довоенного уровня.

Еще на 15–20 % оно должно было сократиться в 1942 г., в основном во второй половине года в связи с эвакуацией и оккупацией.

Демографические процессы с весны 1943 до середины 1945 г. По оценке В. А. Исупова и Г. Е. Корнилова, за годы войны максимально сократилась численность населения Сталинградской области (на 32,2 %). Демографические потери остальных регионов находились в диапазоне 22–27 % (в Астраханской и Ростовской областях — 26,6 и 24 % соответственно; в Ставропольском и Краснодарском краях — 23,2 и 22,3 %) ³⁰. Точная оценка масштабов сокращения населения отдельных территорий в период войны проблематична. Называемые величины, полученные из архивных источников либо расчетным путем, должны восприниматься не как точные цифры, а скорее как определенный количественный диапазон.

Согласно архивным данным, количественный минимум населения южных краев и областей РСФСР за время войны пришелся на первые месяцы послеоккупационного периода. В тот период в Вооруженных силах служило максимальное число мобилизованных местных уроженцев, наивысшего уровня достигла численность жителей, добровольно и принудительно покинувших юг России. К весне — осени 1943 г. население Ростовской области по сравнению с довоенным периодом сократилось примерно на 40–44 %, Сталинградской области (вместе с Астраханской) — на 30–35 %, Краснодарского и Ставропольского краев — на 24–29 % и 19–25 % соответственно (рис. 5).

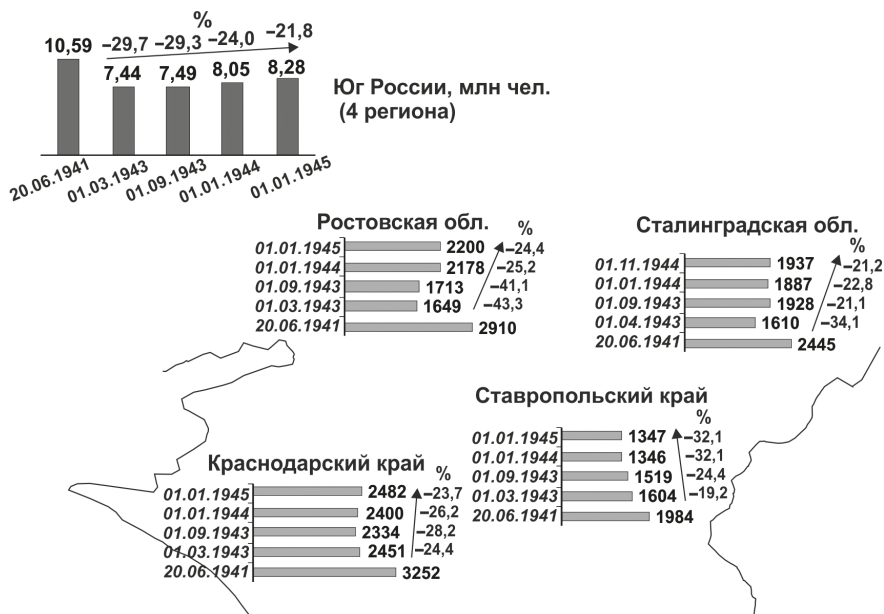

Рис. 5. Динамика численности населения южных краев и областей РСФСР в период Великой Отечественной войны (тыс. чел.) (рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 53–54; Д. 251. Л. 83, 95, 167, 182; Д. 405. Л. 16, 20, 22, 59; Д. 564. Л. 2 об., 9–10)

Деятельность загсов в южных регионах РСФСР возобновилась уже в первые месяцы после освобождения от оккупации. Однако фиксируемая ими статистика свидетельствует, что регионы в разное время вышли к полному учету показателей естественной динамики населения. Быстрее всего такой учет восстановили загсы Сталинградской области (январь 1943 г.) и Ставропольского края (март 1943 г.). Статистика по Краснодарскому краю приобретает достоверный характер с августа 1943 г., а в Ростовской области — только с января 1944 г. Поэтому для анализа естественной динамики населения рассматриваемых территорий в первой половине 1943 г. использовалась статистика только по двум, а во второй — по трем из четырех регионов.

Репродуктивная активность. В период оккупации репродуктивная активность населения опустилась до минимального уровня. Во второй половине 1942 — начале 1943 г. число зачатий составляло 20–30 % от довоенного уровня и 50–60 % от уровня весны 1942 г. Однако общая непродолжительность оккупации не позволяет делать серьезных обобщений относительно изменений в репродуктивных стратегиях местного населения, тем более что весомое воздействие на них оказывал и сезонный фактор. Очевидно, определенная часть новых зачатий обуславливалась отсутствием средств контрацепции, что не позволяло предотвращать беременность, однако сохранялась возможность ее искусственного прерывания — политика немецких властей ориентировалась на увеличение числа абортс среди местного населения³¹.

Имеющиеся данные свидетельствуют, что часть населения была готова к продлению рода даже при существенном ухудшении условий жизни и полной неопределенности социальной и политической ситуации. Показательно, что возвращение советской власти не отразилось на репродуктивной активности населения или даже несколько снизило ее. Наиболее существенное воздействие на нее оказывали количество полных семей и число заключавшихся браков, но эти показатели после освобождения от оккупации изменились лишь незначительно, так как основная масса мужчин молодого и среднего возраста находилась в Вооруженных силах СССР. В первые месяцы после освобождения последовали новые волны мобилизации. Только из Ростовской области в феврале 1943 г. были призваны около 80 тыс. чел.³² (примерно 5 % населения). Это влекло за собой не только значительное сокращение общего демографического потенциала, но и новое существенное усиление диспропорции половой структуры населения в наиболее репродуктивных группах. Среди населения трудоспособного возраста (16–55 лет) весной 1943 г. на юге РСФСР на 100 мужчин приходилось 250–320 женщин³³. В возрастной группе 20–40 лет этот перевес мог быть еще значительней, достигая в отдельных городах и сельских районах 4–5-кратного размера. Однако и среди всего населения южнороссийских регионов мужчины в то время составляли только 34–38 %. Естественное воспроизводство при таких условиях не могло вернуться к нормальному циклу, что подтверждают низкие показатели рождаемости. Притом что численность населения на большей части территорий юга РСФСР сократилась примерно на $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{4}$, количество новорожденных на протяжении 1944–1945 гг. устойчиво колебалось в диапазоне 25–40 % от довоенного уровня, демонстрируя некоторое

снижение через 9–10 месяцев после очередных масштабных мобилизаций (как это случилось в конце 1943 г.) (см. рис. 2).

Смертность. Данные за 1943 г. указывают на очевидную неполноту информации по крайней мере для двух регионов — Краснодарского края (до августа 1943 г.) и Ростовской области (за весь год). Учет смертности в Сталинградской области и Ставропольском крае был организован значительно лучше с первых месяцев после их освобождения. На это, в частности, указывает достаточно ровный динамический контур смертности на протяжении 1943–1946 гг. Статистика позволяет сделать вывод, что для Сталинградской области пик смертности пришелся на 1942 г., а Ставропольский край, возможно, вообще обошелся без пикового подъема естественной смертности населения (рис. 6). В обоих регионах в 1943 г. зафиксировано заметное сокращение числа умерших по сравнению с первой половиной 1942 г.

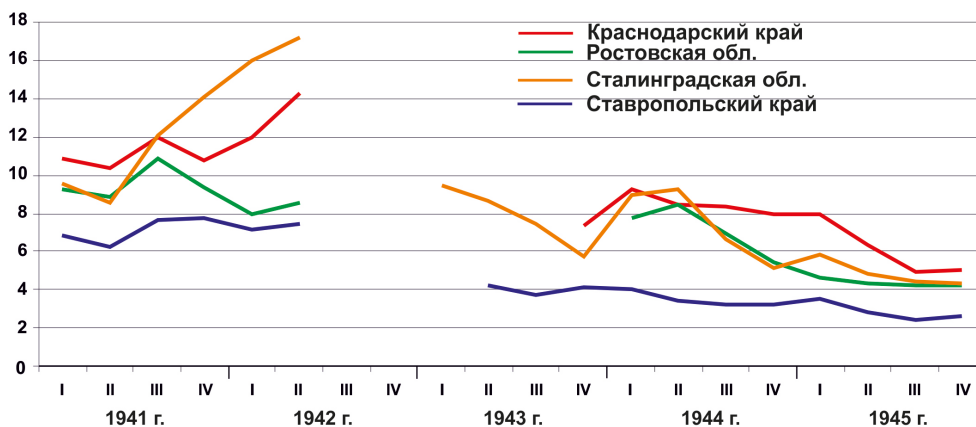

Рис. 6. Динамика числа умерших в регионах юга России по кварталам 1941–1945 гг. (тыс. чел.) (рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 83, 95, 167, 182; Д. 341. Л. 35, 49, 113, 116; Д. 418. Л. 33, 43, 109, 125; Д. 501. Л. 54, 63, 72, 162, 179; Д. 577. Л. 57, 63, 75, 174, 191)

Весной 1943 г. коэффициент смертности населения Ставрополя составлял 16–17 ‰, Сталинградской области — 13–14 ‰. С появлением достоверной статистики по Краснодарскому краю и Ростовской области смертность также оказывается ниже доокупационного периода (осенью 1943 г. данный показатель на Кубани составлял 18–19 ‰)³⁴. В среднем ежемесячно в краях и областях юга РСФСР в 1944–1945 гг. умирало в 2–2,5 раза меньше людей, чем до войны. Сокращение смертности было связано с постепенным восстановлением системы здравоохранения и социальной инфраструктуры. Свою роль играло и то, что значительная часть больного и ослабленного населения умерла в первые два года войны.

С учетом того, что численность населения южных краев и областей РСФСР в 1943–1945 гг. была существенно ниже, чем перед войной, коэффициент смертности сократился не так значительно, как ее абсолютные показатели.

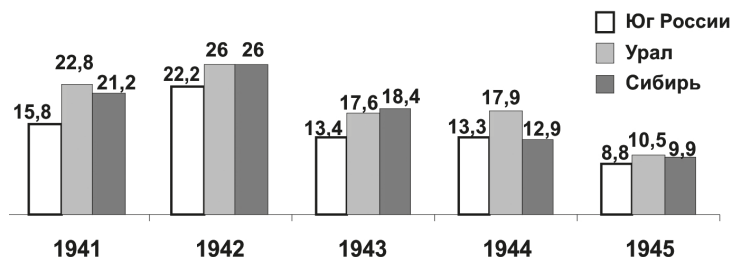

Рис. 7. Динамика смертности населения в крупных макрорегионах РСФСР, 1941–1945 гг. (число умерших на 1000 чел.) (данные по югу РСФСР рассчитаны по: Там же. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 83, 95, 167, 182; Д. 341. Л. 35, 49, 113, 116; Д. 418. Л. 33, 43, 109, 125; Д. 501. Л. 54, 63, 72, 162, 179; Д. 577. Л. 57, 63, 75, 174, 191; данные по Уралу и Сибири взяты из: Население России в XX веке. Т. 2. С. 97)

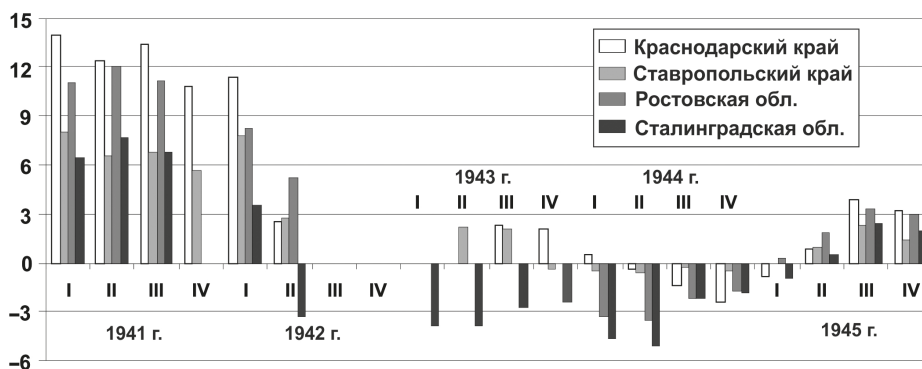

Рис. 8. Естественный прирост (убыль) населения регионов юга России по кварталам 1941–1945 гг. (тыс. чел.; данные по Сталинградской области по всему расчетному периоду даны с учетом Астраханской области) (рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 83, 95, 167, 182; Д. 341. Л. 35, 49, 113, 116; Д. 418. Л. 33, 43, 109, 125; Д. 501. Л. 54, 63, 72, 162, 179; Д. 577. Л. 57, 63, 75, 174, 191)

В любом случае он держался на очень низкой отметке, составляя в 1945 г. в Ростовской области порядка 8,2 ‰, в Ставропольском и Краснодарском краях — 8,9 и 9,6 ‰ соответственно, в Сталинградской области — 11,6 ‰³⁵. Таким образом, динамический контур смертности на юге России был таким же, как и в тыловых районах РСФСР, где после максимума 1942 г. началось абсолютное и относительное (на 1000 чел.) сокращение данного показателя (рис. 7).

Именно снижение смертности играло центральную роль в возвращении естественного прироста населения юга в зону положительной динамики. На Ставрополье и Кубани это произошло уже в 1943 г. Однако в 1944 г. данный показатель снова стал отрицательным по всему югу России. Устойчивый естественный рост населения в различных регионах начался только с 1945 г. (рис. 8), но так и остался ограниченным до конца года. За счет естественного

воспроизводства население Краснодарского края в последний год войны выросло только на 7,15 тыс. чел., Ставропольского — на 4,74 тыс. чел., Ростовской и Сталинградской области — на 8,38 и 3,59 тыс. чел. соответственно. Как и в первые годы войны, динамика численности населения в 1943–1945 гг. определялась прежде всего его механическим движением.

Миграционная динамика. Восстановление советской власти, как уже отмечалось, сопровождалось новыми мобилизациями. Только с территории Кубани в 1943 г. было призвано 188,5 тыс. чел., в том числе 26,9 тыс. бывших военнообязанных, находившихся в плену или в окружении³⁶. Однако уже с весны 1943 г., по мере удаления фронта, стал расти приток населения, началась эвакуация жителей южных краев и областей из восточных районов страны. Благоприятные природно-климатические условия данных территорий привлекали и переселенцев из других регионов. Зачастую речь шла о беженцах, потерявших жилье на месте своей довоенной малой родины и выбиравших новое место для жизни. Определенную роль играло и государство, организованно перемещавшее (или привлекавшее по набору) в крупные центры юга России рабочую силу для восстановления и введения в строй больших предприятий военной и гражданской промышленности.

Масштабы миграционного притока существенно различались по регионам и колебались во времени. Если весной 1943 г. среднемесячное положительное сальдо миграции в Ростовской области составляло около 30 тыс. чел., то летом этот показатель упал до нуля, чтобы осенью вырасти до 130 тыс. чел. В Сталинградской области максимальный приток фиксировался весной 1943 г. (около 40 тыс. чел. в месяц) с последующим постепенным сокращением (по 16–17 тыс. чел. в летние месяцы и 9 тыс. чел. за всю осень)³⁷.

Активный миграционный приток населения в южнороссийские регионы фиксировался и в следующие военные годы, но полное освобождение западных районов СССР параллельно увеличило отток эвакуированного населения с юга РСФСР. Так, для Ставропольского края миграционное сальдо за 1944 г. оказалось отрицательным (прибыло 37,1 тыс. чел., убыло 74,2 тыс. чел.)³⁸. Однако в целом миграция способствовала росту жителей: за первые десять месяцев 1944 г. совокупное население четырех рассматриваемых регионов выросло на 300 тыс. чел. — с 7,75 млн до 8,05 млн чел.

Основная масса эвакуированного населения вернулась к месту постоянного проживания уже к середине 1945 г. Со второй половины 1945 г. миграционный приток формировался прежде всего демобилизованными из армии и репатриантами. К концу 1945 г. в Краснодарский край из армии вернулись 116,8 тыс. чел., в Ставропольский — 50,95 тыс. чел.³⁹ На протяжении 1945–1946 гг. в южные края и области возвратилась значительная часть населения, вывезенного в период оккупации. Дальнейшая демографическая динамика населения данных регионов снова стала определяться в первую очередь показателями его естественного воспроизводства. Демобилизация резко активизировала процесс образования новых семей, значительно увеличивший рождаемость. Во второй половине 1946 г. здесь появилось на 65% больше новорожденных, чем в первой половине (100,8 тыс. и 61,1 тыс. чел. соответственно).

Заключение. Изучение демографических процессов в южных краях и областях РСФСР в период Великой Отечественной войны обнаружило их системное сходство с основными демографическими трендами, характерными для населения тыловых районов. Постепенно ухудшались показатели естественного воспроизводства во второй половине 1941 г. — 1942 г.: сокращалась рождаемость и росла смертность, в том числе младенческая, снижался показатель естественного прироста, уходя в отрицательную зону летом 1942 г. В конце 1942 — начале 1943 г. основные тренды демографической динамики сменились: рождаемость стабилизировалась на крайне низком уровне с последующим медленным, нелинейным ростом, заметно сократилась смертность по сравнению с 1942 г. Южные края и области РСФСР отличались от тыловых районов более значительным масштабом демографической убыли населения и непосредственно безвозвратных потерь. После оккупации население здесь составляло 60–70% от довоенного уровня. Помимо убыли мобилизованного контингента, в структуре безвозвратных потерь населения южных краев и областей были две компоненты, отсутствовавшие у жителей тыловых районов РСФСР: многочисленные жертвы оккупационного режима (рис. 9) и сверхсмертность перемещенного населения (эвакуированного на восток и угнанного на запад).

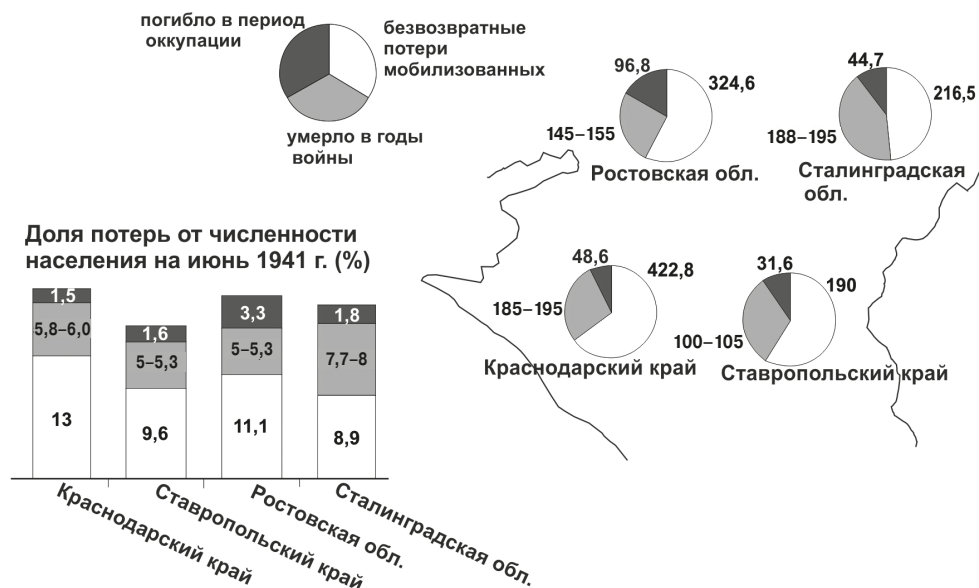

Рис. 9. Безвозвратная убыль населения регионов южных краев и областей РСФСР в годы Великой Отечественной войны (тыс. чел.; не учтена смертность эвакуированного и угнанного населения; потери по Астраханской области даны в составе Сталинградской области) (рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 83, 95, 167, 182; Д. 341. Л. 35, 49, 113, 116; Д. 418. Л. 33, 43, 109, 125; Д. 501. Л. 54, 63, 72, 162, 179; Д. 577. Л. 57, 63, 75, 174, 191; Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в. С. 537)

В середине 1945 г. население четырех рассмотренных южнороссийских регионов составляло около 8,2 млн чел. — на 23 % меньше, чем в июне 1941 г. Безвозвратные демографические потери здесь оказались столь значительными, что, несмотря на миграционную привлекательность южного макрорегиона, потребовали намного более долгого восстановительного периода. Если в 1950 г. численность населения Урала превосходила показатель 1939 г. на 5,7 %, Западной и Восточной Сибири — на 6,7 и 2,7 % соответственно⁴⁰, то в краях и областях юга РСФСР проживало в целом на 7,5 % меньше жителей.

¹ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998; Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 2: 1940–1959 / отв. ред. В. Б. Жиромская. М., 2001; Максудов С. Не своей смертью: потери населения СССР в 1918–1953 годах. М., 2017; и др.

² Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; Исупов В. А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008; и др.

³ Вишневца Ю. В. Население Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны: историко-демографический аспект: 1939–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010; Сергиенко Л. М. Население Ставрополя накануне и в годы Великой Отечественной войны: 1937–1945 гг.: историко-демографический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2016; Ракачев В. Н. Население Кубани и Старополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2017; Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М., 2019; и др.

⁴ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 34–61.

⁵ РГАЭ. Ф. 1526. Оп. 20. Д. 241, 250.

⁶ Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в. С. 526–527.

⁷ Там же. С. 445.

⁸ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Демографическая история России. С. 65.

⁹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 53–54; Д. 251. Л. 83, 95, 167, 182.

¹⁰ Рассчитано по: Ракачев В. Н. Население Кубани и Старополя в 1930–1950-е гг. С. 103–106.

¹¹ Население России в XX веке. Т. 2. С. 105.

¹² Ракачев В. Н. Население Кубани и Старополя в 1930–1950-е гг. С. 110.

¹³ Население России в XX веке. Т. 2. С. 101.

¹⁴ Население России в XX веке. Т. 2. С. 88.

¹⁵ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 341. Л. 35, 49, 113, 116.

¹⁶ Население России в XX веке. Т. 2. С. 87.

¹⁷ Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в. С. 550.

¹⁸ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы: хроника событий: в 3 кн. Кн. 1: 1941–1942 гг. / отв. сост. А. М. Беляев, И. Ю. Бондарь. Краснодар, 2000. С. 25–26.

¹⁹ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php (дата обращения: 12.03.2020).

²⁰ Ракачев В. Н. Население Кубани и Старополя в 1930–1950-е гг. С. 305.

²¹ Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в. С. 543.

²² Кубань в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1. С. 181; Ракачев В. Н. Население Кубани и Старополя в 1930–1950-е гг. С. 289, 292.

²³ Ракачев В. Н. Население Кубани и Старополя в 1930–1950-е гг. С. 292.

²⁴ Там же. С. 289.

- ²⁵ Краснодарскому краю — 65 лет: историко-документальный альбом / отв. сост. А. А. Алексеева, А. М. Беляев, И. Ю. Бондарь. Краснодар, 2002. С. 24.
- ²⁶ Эшелоны идут на восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: сб. ст. / сост. Н. П. Липатов. М., 1966. С. 238.
- ²⁷ Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в. С. 550.
- ²⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 585. Л. 21; Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 407. Л. 4; Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.
- ²⁹ Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в. С. 550.
- ³⁰ *Исупов В. А., Корнилов Г. Е.* Численность населения России в годы второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 50.
- ³¹ См. об этом: *Kamenetsky I.* Secret Nazi Plans for Eastern Europe: A Study of Lebensraum Policies. New York, 1961. P. 197–199.
- ³² Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в. С. 537.
- ³³ *Колесник А. Д.* РСФСР в Великой Отечественной войне. М., 1982. С. 224.
- ³⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 418. Л. 33, 43, 109, 125; Д. 405. Л. 16, 20, 22, 59.
- ³⁵ Рассчитано по: Там же. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 577. Л. 57, 63, 75, 174, 191; Д. 564. Л. 2 об., 9–10.
- ³⁶ Кубань в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1. С. 258–259.
- ³⁷ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 405. Л. 16, 20, 22, 59.
- ³⁸ *Ракачев В. Н.* Население Кубани и Старополя в 1930–1950-е гг. С. 298.
- ³⁹ Там же. С. 299.
- ⁴⁰ Рассчитано по: Население России за 100 лет. М., 1998. С. 51–52.

Статья поступила в редакцию 22 февраля 2020 г.

Рекомендована в печать 4 сентября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кринко Е. Ф., Суций С. Я. Демографические процессы в южных краях и областях РСФСР в период Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 844–863. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.402>
УДК 94 (47)/314.02

Аннотация: Авторы рассматривают демографические процессы в годы Великой Отечественной войны в южных регионах РСФСР: в Краснодарском и Орджоникидзевском (Ставропольском) краях, Ростовской, Сталинградской и Астраханской областях. Исследование основано на опубликованных и архивных документах из фонда Центрального статистического управления при Совете Министров СССР в Российском государственном архиве экономики. Впервые представлена динамика смертности и рождаемости по месяцам 1941–1945 гг. Демографическая динамика в южных краях и областях РСФСР в 1941–1945 гг. имела общие черты с основными демографическими трендами в других регионах РСФСР и СССР. Ухудшились показатели естественного воспроизводства во второй половине 1941 г. — 1942 г.: сокращалась рождаемость и росла смертность, в том числе детская, снижался естественный прирост в первой половине 1942 г. В конце 1942 г. — начале 1943 г. основные тренды демографической динамики сменились: рождаемость стабилизировалась на крайне низком уровне с последующим медленным ростом, заметно сократилась смертность по сравнению с 1942 г. Регионы юга РСФСР отличались более значительными масштабами демографической убыли населения и непосредственно безвозвратных потерь. Причины этого заключались не только в убыли мобилизованного контингента, но и в демографических последствиях эвакуации и нацистской оккупации. После оккупации население южнороссийских регионов составляло 60–70 % от довоенного уровня. Безвозвратные демографические потери населения южных краев и областей в период Великой Отечественной войны потребовали значительно более долгого восстановительного периода, чем в других российских регионах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, южнороссийские регионы, демографические процессы, рождаемость, смертность, оккупация, эвакуация.

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект № 17-18-01411).

Сведения об авторах: *Кринко Е. Ф.* — д-р ист. наук, гл. науч. сотр., Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону, Россия); krinko@ssc-ras.ru | *Суций С. Я.* — д-р филос. наук, канд. социол. наук, гл. науч. сотр., Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону, Россия); ss7707@mail.ru

Южный научный центр Российской академии наук, Россия, 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

FOR CITATION

Krinko E. F., Suschiy S. Ya. 'The Demographic Processes in the South of the RSFSR during the Great Patriotic War', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020, pp. 844–863. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.402> (In Russian)

Abstract: This article explores demographical processes during the Great Patriotic War in the southern regions of the RSFSR: in the Krasnodar Krai and Ordzhonikidze (Stavropol) Krai, Rostov Oblast, Stalingrad Oblast, and Astrakhan Oblast. The study is based on published and archival documents from the Central Statistical Administration under the Council of Ministers of the USSR Fund in the Russian State Archive of Economics. Demographic dynamics in the southern regions of the RSFSR in 1941–1945 had common features with the main demographic trends elsewhere in the RSFSR and the USSR. This was a deterioration in indicators of natural reproduction in the second half of 1941–1942: a decrease in the birth rate and an increase in mortality, including that of children, and a decrease in natural growth in the first half of 1942. At the end of 1942 and the beginning of 1943, the main trends in demographic dynamics changed: the birth rate stabilized at an extremely low level, followed by slow growth, and mortality decreased markedly in comparison with 1942. Regions in the south of the RSFSR differed by more significant scales of population decrease and directly irretrievable losses. The reasons for this were not only the loss of mobilized cohorts, but also demographic consequences of evacuation and Nazi occupation. After occupation, the population of the southern Russian regions amounted to 60–70% of the pre-war level.

Keywords: Great Patriotic War, southern Russian regions, demographic processes, birth rate, mortality, occupation, evacuation.

The research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 17-18-01411 ("Wars and Population of the South of Russia in the 18th — early 21st Centuries: History, Demography, Anthropology").

Authors: *Krinko E. F.* — Dr. Sci. in History, Chief Researcher, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia); krinko@ssc-ras.ru | *Suschiy S. Ya.* — Dr. Sci. in Philosophy, PhD in Sociology, Chief Researcher, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia); ss7707@mail.ru

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 41, pr. Chekhova, Rostov-on-Don, 344006, Russia

References:

- Andreev E. M., Darskiy L. E., Kharkov T. L. *The Demographic History of Russia: 1927–1959* (Moscow, 1998). (In Russian)
- Echelons go East: From the History of the Relocation of the USSR Productive Forces in 1941–1942*, Comp. by N. P. Lipatov. (Moscow, 1966). (In Russian)
- Isupov V. A. *The Main Resource of Victory. The Human Potential of Western Siberia during the Second World War (1939–1945)* (Novosibirsk, 2008). (In Russian)
- Isupov V. A., Kornilov G. E. 'The Population of Russia during the Second World War (1939–1945)', *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (57), 2017. (In Russian)
- Kamenetsky I. *Secret Nazi Plans for Eastern Europe: A Study of Lebensraum Policies* (New York, 1961).

- Kolesnik A. D. *RSFSR in the Great Patriotic War* (Moscow, 1982). (In Russian)
- Kornilov G. E. *Ural Village and War. The Problems of Demographic Development* (Yekaterinburg, 1993). (In Russian)
- Krasnodar Krai — 65th Anniversary: Historical and Documentary Album*, comp. by A. A. Alekseeva, A. M. Belyaev, I. Yu. Bondar (Krasnodar, 2002). (In Russian)
- Kuban during the Great Patriotic War. 1941–1945: Declassified Documents. Chronicle of Events*, in 3 books, Book 1: 1941–1942, comp. by A. M. Belyaev, I. Yu. Bondar' (Krasnodar, 2000). (In Russian)
- Maksudov S. *Not by his Death: Losses of the Population of the USSR in 1918–1953* (Moscow, 2017). (In Russian)
- Rakachev V. N. *The Kuban and Stavropol Population in the 1930–1950s: Historical and Demographic Research* (Krasnodar, 2017). (In Russian)
- Sergienko L. M. *The Stavropol Population of on the Eve of and during the Great Patriotic War: 1937–1945: Historical and Demographic Aspect* [Candidate of History Dissertation] (Pyatigorsk, 2016). (In Russian)
- The Population of Russia in the Twentieth Century. Historical Essays*, in 3 vols, vol. 2. 1940–1959, ed. by B. B. Zhiromskaya (Moscow, 2001). (In Russian)
- The Wars and Population of Southern Russia in the 18th — early 21st Centuries: Demographic Processes and Consequences* (Moscow, 2019). (In Russian)
- Vshivtseva Yu. V. *The Population of the Krasnodar Krai on the Eve of and during the Great Patriotic War: Historical and Demographic Aspect: 1939–1945* [Candidate of History Dissertation] (Krasnodar, 2010). (In Russian)
- Zhiromskaya V. B. *The Demographic History of Russia in the 1930s. A Look into the Unknown* (Moscow, 2001). (In Russian)

Received: February 22, 2020

Accepted: September 4, 2020